

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2019

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 9 (83) Том 10 - Внешние связи Восточной Европы в
Древности и раннем Средневековье. 2019

Церковная политика Константинопольской патриархии при Мануиле I Комнине и кризис Русской митрополии в 1156—1169 гг.

Виноградов А. Ю.

НИУ «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва

Желтов М. С.

Московская духовная академия; Сретенская духовная семинария

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Статья посвящена византийской «предыстории» кризиса в Русской Церкви 1156—1169 гг., вызванного введением новых постовых и аскетических норм греческими иерархами во главе с митрополитом Константином I. Внимательное изучение конфликтов 1040-х — 1060-х гг. внутри Константинопольской патриархии, вызванных вначале бездействием, а затем, наоборот, активными действиями императора Мануила I Комнина, позволяет выявить борьбу двух церковных партий, состоявших преимущественно из бывших или действующих диаконов Св. Софии. Одна партия стремилась сохранить в Церкви status quo, сложившийся при первых Комнинах, в том числе в соблюдении постовых норм согласно старой («студийской») традиции: ее представляли патриархи Косма II Атик и Николай IV Музалон, митрополит Евстафий Диррахийский и такие интеллектуалы, как Михаил Солунский, Никифор Васибеки, Сотирх Пантевген и, вероятно, Иоанн Цец. Другая партия стремилась к ревизии постовых и аскетических норм, усматривая в этом возвращение к древним правилам и ориентируясь на реформированную («евергетидскую») монашескую традицию: в ее рядах были патриархи Михаил II Куркуас и Феодот II, высокопоставленные чиновники Лев Иканат и Иоанн Пантехн, диакон Василий-«Вагой», митрополит Эфесский Георгий Торник и митрополит Киевский Константин I. В своей борьбе эти партии не гнушались различными средствами и последовательно смещали неугодных им патриархов, а других несогласных объявляли еретиками и, при возможности, подвергали репрессиям, в чем особенно преуспела вторая из указанных партий. Наконец, на соборах 1156 и 1157 гг. второй партии удалось окончательно

расправиться со своими оппонентами, что позволило Константину I Киевскому и близким к нему иерархам безоглядно насаждать новые аскетические нормы на Руси. Однако после собора 1166 г., когда Мануил I стал склоняться к унии с Римом, репрессии начали применяться уже и к тем, кто десятилетием ранее праздновал победу. В частности, это могло быть причиной отправки на Русь Константина II Киевского, если понимать эту отправку как почетную ссылку. С 1170-х гг. ситуация в патриархии меняется, и влияние этой партии сходит на нет.

Ключевые слова: Константинополь, Древняя Русь, Константинопольский патриархат, церковные споры, Евхаристия, пост, диаконы Святой Софии, Константинопольские соборы, Вселенские патриархи, Киевские митрополиты, Мануил Комнин, византийское богословие

Дата публикации: 15.11.2019

Источник финансирования:

Публикация подготовлена в ходе проведения работы (проект № 18-05-0025) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Ссылка для цитирования:

Виноградов А. Ю. , Желтов М. С. Церковная политика Константинопольской патриархии при Мануиле I Комнине и кризис Русской митрополии в 1156—1169 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 9 (83) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840006961-6-1/> (дата обращения: 08.12.2019). DOI: 10.18254/S207987840006961-6

¹ В середине XII в. Русская Церковь пережила последовательно два тяжелейших и затяжных кризиса. Первый начался в 1145 г. отъездом из Киева митрополита Михаила и продолжился в 1147 г. избранием и поставлением в митрополиты Киевские, без согласия Константинополя, Климасмолятича, что, однако, не было признано частью русских епархий (Новгородской, Смоленской, Ростово-Суздальской). Последствия этого кризиса продолжались до середины 1160-х гг. Второй кризис наложился на первый и был связан с прибытием в 1156 г. в Киев митрополита-грека Константина I, после того как Юрий Долгорукий изгнал Климасмолятича из города. Константин I начал активно вмешиваться в дела князей, а также сделался проводником новых для Руси аскетических норм (прежде всего — в отношении соблюдения поста); в итоге действия как самого митрополита, так и его сторонников и преемников вызвали сопротивление во многих русских землях (Ростово-Суздальской, Киевской, Черниговской). Это спровоцировало второй кризис, продолжавшийся до 1169 г., до конца митрополичества Константина II, проводившего аналогичную политику. Суть новаций греческих епископов и детали этого второго кризиса подробно разобраны в наших недавних работах¹. В настоящей же статье мы обратимся к его византийской подоплеке.

²

* * *

Византийская церковная политика эпохи императора Мануила I Комнина была обстоятельно изучена в работах П. Магдалино и М. Анголда². Однако эти исследователи, подробно описывая почти все конфликты в Константинопольской Церкви середины XII в.³, рассматривали их, скорее, как несколько разрозненных эпизодов, поскольку основное внимание ученых было приковано к личности императора Мануила и динамике его отношения к Церкви⁴. Между тем, большинство константинопольских внутрицерковных столкновений 1140—1160-х гг., по нашему мнению, были проявлениями одного и того же перманентного

конфликта двух партий внутри Константинопольской патриархии, имевшего как чисто личностное, так и идеологическое измерение и вызванного к жизни более глубокими проблемами, чем только особенности политики конкретного императора.

3 В начале своего правления, желая, видимо, приобрести в лице Церкви надежного союзника, Мануил Комнин оказал ей ряд выдающихся благодеяний. Еще до восшествия на престол, в апреле 1143 г., он предоставил гарантии денежного содержания клиру Св. Софии⁵. В феврале 1144 г. он освободил священников от налогов и общественных повинностей⁶; хрисовул июля 1146 г. запретил отчуждать, под как бы то ни было предлогом, собственность у монастырей Константинополя и его окрестностей⁷, а в феврале 1148 г. аналогичную правовую защиту получили и все патриаршие и митрополичьи владения⁸. Такая политика продолжилась и в 1150-е гг.: хрисовул августа 1153 г. гарантировал обеспечение и привилегии храму Св. Софии и его клиру, а также окончательно переводил в собственность храма то использовавшееся им имущество, которое формально являлось государственным⁹. Хрисовул марта 1158 г. подтвердил за теми монастырями, на которые распространялось действие хрисовула июля 1146 г., права собственности на все использовавшееся ими имущество, в том числе считавшееся спорным¹⁰.

4 При этом до середины 1160-х гг. Мануил старался лично не вмешиваться в богословские и церковно-канонические споры, а не прекращавшийся внутрипатриархийный конфликт проявлял себя через частую смену первоиерархов и рестрикции в адрес клириков не столь высокого ранга — очевидно, с молчаливого согласия императора, но, как правило, без его прямого участия.

5 Первым патриархом эпохи Мануила стал Михаил II Куркуас, настоятель Оксийского монастыря, спешно избранный на Константинопольскую кафедру в июле 1143 г., специально для коронации самого Мануила. Его патриаршество продолжалось менее трех лет: не позднее марта 1146 г. он официально оставил кафедру и, по словам Никиты Хониата, «возвратился на остров Оксию, где из детства проводил подвижническую безмятежную жизнь, и, простершись на земле при входе в преддверие храма (προῦρου) отдал выю свою на поппание всякому входящему монаху, сознаваясь, что он напрасно оставлял давнишнее и любезное ему спокойствие и без всякой пользы восходил на верховный престол»¹¹.

6 За недолгое время своего правления Михаил успел создать предпосылки для конфликта, который продолжался свыше десятилетия. Уже 20 августа 1143 г., то есть вскоре после восшествия Михаила на патриарший престол, а Мануила — на императорский, синод под председательством Михаила рассмотрел жалобу митрополита Василия Тианского на двух епископов его митрополии, Климента Сасимского и Леонтия Бальбисского. Епископы обвинялись, во-первых, в богомилстве (без каких-либо деталей); во-вторых, в незаконности поставления: со слов Василия, оба были возведены на свои кафедры митрополитом Иаковом Тианским — очевидно, предшественником Василия — единолично. Синод согласился с обвинениями, объявил о недействительности епископских хиротоний Климента и Леонтия и предписал Василию подробнее исследовать исповедуемое ими вероучение¹². Жалоба, судя по всему, была изначально направлена не патриарху, а императору, поскольку в синодальном заседании, по распоряжению (Πρίλυσις) императора¹³, приняли участие не только митрополиты Константинопольского патриархата, но и пансеваст севаст и великий друнгарий Константин Комнин, архиепископ Болгарии Иоанн (в миру Адриан Комнин) и протасикрит Лев Иканат. Столь представительный состав собрания, с участием высоких светских сановников, членов императорской фамилии, говорит о важности разбираемого дела. Но почему жалоба митрополита лежавшей в руинах Тианы на двух провинциальных епископов приобрела вдруг такое значение? Не были ли эти епископы либо их митрополит каким-либо

образом вовлечены в византийские династические интриги, что и заставило молодого императора поторопиться с судом над ними? Другое возможное объяснение — серьезность обвинения в богомилстве. Это учение активно распространялось и представляло опасность само по себе; кроме того, Мануил мог заинтересоваться организацией процесса над богомилами, чтобы символически уподобиться Алексию Комнину, который в 1110 г. устроил над вождем богомилов Василием Врачом аналогичный суд с участием как церковных, так и светских высших властей, подробно описанный Анной Комниной¹⁴.

7 1 октября 1143 г. состоялось новое заседание синода, с привлечением к нему тех же светских чиновников, что и в августе. На заседании были заслушаны претензии Василия Тианского к двум обвиняемым бывшим епископам, и ответы последних. Большая часть претензий против Леонтия оказалась незначительной, а Клименту и вовсе удалось вменить в вину лишь рукоположение диаконисс, так что громкого процесса не получилось, хотя оба бывших епископа и были приговорены к изоляции за «богомильские взгляды и их распространение» (βογομηλικῆς αἰτοῦς καὶ φρονεῖν καὶ διδάσκειν ἠμολογουμένως διαγνώσκομεν)¹⁵. 30 октября того же года синод издал еще одно постановление, содержащее анафему всем тем, кто сомневается в правильности принятого 1 октября решения¹⁶. Необходимость подкрепить это решение дополнительными угрозами, вероятно, была обусловлена тем, что дело, задуманное в качестве триумфального¹⁷, вызывало сомнение и даже неприятие в Константинополе. Ярким свидетельством тому стали заявления монаха Нифонта, близкого к отцу Мануила, покойному императору Иоанну II Комнину. 1 октября — очевидно, на том же заседании синода, на котором были осуждены два бывших каппадокийских епископа, — монаху Нифонту предъявили претензии в том, что он «оскорбляет всю Церковь и всех называет еретиками» (πᾶσαν τὴν ἐκκλησίαν ἕβριζει, ἀῤετικοῦς πάντας ἠποκαλῶν), и предписали заключить его в столичном монастыре Богородицы Перивлепты для покаяния¹⁸. Но на Нифонта это наказание не подействовало, и он начал уже конкретно утверждать, что епископы Леонтий и Климент были осуждены незаконно. Тогда Михаил Куркуас 22 февраля 1144 г. провел еще один синод, на сей раз — без Константина и Иоанна (Адриана) Комнинов, но с участием Льва Иканата. Нифонту были предъявлены обвинения в поддержке осужденных епископов, а также в том, что он якобы анафематствовал «Бога евреев». В итоге Нифонт был осужден как еретик, подвергнут унижительному острижению бороды и заключению, а любые контакты с ним были всем строго запрещены¹⁹.

8 Мы столь подробно остановились на деталях «антибогомильских» процессов Михаила Куркуаса потому, что в них достаточно рельефно проявились черты тех двух внутрицерковных партий, борьба между которыми будет определять особенности церковной жизни Константинополя (и не только) примерно с середины 1140-х по середину 1160-х гг. Одна партия, на первом этапе представленная патриархом Михаилом Куркуасом и протасикритом Львом Иканатом, отличалась ригоризмом²⁰ и нетерпимостью²¹. Другая партия, представленная монахом Нифонтом, выступала, скорее, за сохранение *status quo*, сложившегося при первых Комнинах.

9 Несмотря на первоначальные успехи Михаила Куркуаса по подавлению внутренней оппозиции в лице Нифонта (который, несомненно, был не одинок, но выражал мнения достаточно многих), к концу 1145 г. в патриархии случился аппаратный конфликт, вызванный вмешательством патриарха в процесс распределения официальных должностей²², — то ли из-за этого конфликта, то ли по каким-то еще причинам в марте 1156 г. Михаил оставил кафедру. Уход Михаила с патриаршества оплакивал облагодетельствованный им знаменитый поэт Феодор Продром.

10 Следующий патриарх — Косма II Атик, — был избран в конце апреля 1146 г. из

диаконов Св. Софии, то есть не из монашеской среды, а из группы влиятельных столичных клириков, занимавших официальные должности в патриаршей канцелярии и других структурах, среди которых выделялись образовательные подразделения («Вселенское (Патриаршее) училище»), чье влияние на интеллектуальное пространство Константинополя было особенно велико²³. Эта группа клириков обычно рассматривалась и в качестве основного кадрового резерва патриархии при замещении ключевых архиерейских и патриарших кафедр. Косма Атик, по замечанию Иоанна Киннама, был «человек, богатый всеми добрыми качествами, кроме того только, что он был излишне прост»²⁴. Простота Космы вышла ему боком: получив церковную власть в результате ошибок, допущенных Михаилом Куркуасом, он не сумел удержать ее и оказался низложен менее, чем через год. Немаловажно, что Никита Хониат прямо описывал ситуацию в терминах межпартийной борьбы, не брезговавшей политическим наветом: «Общество [φατρία — группировка, клика, цирковая партия] тогдашних архиереев, не терпевших добродетели, и партия [μοῦρα, здесь — одна из враждующих сторон], враждебная этому благочестивейшему мужу, оклеветали его пред царем, будто он замышляет предоставить царство брату его Исааку»²⁵.

11 Партия, противостоявшая Косме Атику, состояла ни из кого иного, как из единомышленников Михаила Куркуаса. Это утверждение не только логически следует из анализа обстоятельств прихода Космы к власти, но и прямо подтверждается источниками. Во-первых, уже в самом начале своего правления Косма неудачно вмешался в спор о постах, вопреки мнению хартофилака Великой церкви Иоанна Пантехна приказав отменять пост среды и пятницы во всю Пятидесятницу²⁶. Такой подход к пощению вполне соответствовал старой константинопольской («студийской») традиции, однако контрастировал с практикой реформированных византийских монастырей XII в., к которым, несомненно, относился и Оксийский монастырь. Ведь именно в нем в начале XII в. писал свои труды бывший Антиохийский патриарх Иоанн V (VI) Оксит, главный критик харистикариата и автор трактата о необходимости строгого соблюдения среды и пятницы во весь год без каких-либо исключений²⁷. Во-вторых, Косма обвинил в ереси протасикрита Льва Иканата — того самого, кто по личному распоряжению императора принимал участие во всех «антибогомильских» процессах Михаила Куркуаса, включая процесс над монахом Нифонтом²⁸. Наконец, Косма предоставил самому Нифонту свободу и открыто приблизил его к себе, не потрудившись предварительно снять с него обвинения.

12 В результате противники Космы с легкостью расправились с ним, воспользовавшись как правовыми, так и неправовыми средствами. В отношении его претензий к Льву Иканату был пущен слух, что за обвинениями патриарха стоит Исаак Комнин, недовольный воцарением Мануила и интригующий против его людей. Общение же патриарха с Нифонтом, прямо нарушавшее ранее принятое синодальное решение, стало поводом для созыва императорского суда, который и состоялся 26 февраля 1147 г. На суде патриарх подтвердил, что не считает Нифонта еретиком, и император — на сей раз лично разбиравший дело (без сомнения, потому, что благодаря слухам о причастности Исаака Комнина оно приобрело политическую окраску) — был вынужден одобрить низложение Космы, на чем настаивали опрошенные императором архиереи²⁹. Впрочем, оппозировавшая Косме партия, хотя и добилась своего, отнюдь не была уверена в своей окончательной победе. Опасаясь реабилитации Космы и его возвращения на престол, некоторые клирики Св. Софии устроили провокацию: в неделю Торжества Православия часть икон в храме оказалась вымазана медом, и кто-то немедленно обвинил в этом Косму — якобы низложенный патриарх, придерживаясь богомильских взглядов, вымазал иконы навозом, причем в тот самый день, когда вспоминается победа иконопочитания³⁰. Дело, однако, вскрылось, и предводитель заговорщиков был осужден, но затем его выручил некий влиятельный член клира. Диякон Св. Софии Никифор Васибеки позднее, уже в изгнании, написал целую речь в защиту Космы и против этих заговорщиков и их

покровителя, заменяя его имя псевдонимом «Вагой» (Βαῦωας)³¹. Поддержал Косму и Иоанн Цец, который в своем письме императору попытался раскрыть мотивы оппонентов патриарха: один не получил монастырь, на который рассчитывал; другой был недоволен своим карьерным ростом в Патриархии; третий не получил храм, который желал; кто-то был недоволен надзором хартофилака; кто-то сам стремился к патриаршеству³².

13 Преемник Космы — престарелый Николай IV Музалон, еще в самом начале XII в. поставленный архиепископом Кипра, но оставивший свою кафедру в 1110 г. и все последующие годы возглавлявший монастырь Космы и Дамиана в пригороде Константинополя, Космидионе, — был избран на кафедру Константинополя только через девять месяцев, в конце декабря 1147 г., после долгой борьбы партий. Однако сразу же после его избрания некоторые епископы стали обвинять патриарха в том, что отказавшись когда-то от Кипрской кафедры, он отказался и от архиерейского сана как такового, а потому недостойн быть патриархом. На защиту Николая стал близкий к императору епископ Николай Мефонский, а также часть клира Св. Софии, в том числе Никифор Васибеки. Но император уступил давлению недовольных, и весной 1151 г. Николай был вынужден отречься от патриаршества.

14 Поддержка Николая Музалона Никифором Васибеки, как кажется, указывает на то, что Николай был близок к сторонникам Космы Аттика; о том же может говорить и решение патриарха в пользу некоего клирика Филиппопольской митрополии по прозвищу Капсоримий³³: ранее этот клирик был отлучен от Церкви своим митрополитом — Михаилом Италиком, когда-то написавшим хвалебную речь по поводу восшествия Михаила Куркуаса на патриарший престол³⁴. Таким образом, оправдав Капсоримия, патриарх выступил против Михаила Италика — сторонника Михаила Куркуаса; следовательно, противники Николая Музалона и враги Космы Аттика принадлежали к одной и той же стороне³⁵.

15 Не позднее апреля 1152 г. на патриарший престол был избран Феодот II, игумен константинопольского монастыря Воскресения Христова. Его патриаршество продлилось недолго: Феодот умер где-то между октябрём 1153 г. и октябрём 1154 г. Среди его немногочисленных деяний известно возведение диакона Георгия Торника (который приходился племянником знаменитому архиепископу Болгарскому Феофилакту) на самую авторитетную преподавательскую кафедру Патриаршего училища: дидаскала Евангелия, или «вселенского учителя»³⁶. Смерть Феодота обнажила межпартийную борьбу внутри патриархии во всем ее безобразии: часть клира Св. Софии, во главе с Сотирихом Пантевгеном, бывшим диаконом Св. Софии и нареченным патриархом Антиохийским, категорически отказалась давать деньги на погребение патриарха, ссылаясь на нелепый аргумент: по словам Сотириха, рука почившего выглядела так же, как у мертвых богомилов, которых Сотирих неоднократно наблюдал. В защиту умершего выступил Георгий Торник, которого поддержал «[митрополит] Росии» (им мог быть только Константин, еще не отправлявшийся в Киев³⁷), — в ответ Сотирих обвинил в богомильстве самого Георгия³⁸.

16 Следующий избранный патриарх — Неофит, из Евергетидского монастыря, не смог даже получить рукоположения, пробыв в патриаршем дворце лишь несколько дней в ноябре 1154 г. Его обвинили в том, что некогда, будучи уже поставлен в чтецы, он был замечен одетым в мирское платье³⁹. Столь ничтожный повод для отказа в поставлении в патриархи говорит, что Нифонт, очевидно, не устраивал одну из церковных партий.

17 Новый патриарх, Константин IV Хлиарин, был избран из диаконов Св. Софии. Его правление (ноябрь 1154 г. — май 1157 г.) запомнилось более всего богословским спором о том, Кому приносится Евхаристическая жертва, причем этот спор имел и личностную подоплеку. Некий диакон Василий (вероятно, тот самый «Вагой» — противник Космы

Аттика, см. выше) нападал в своих проповедях на диаконов Св. Софии Михаила Солунского и Никифора Васибеки, преподавателей Патриаршего училища. Эти нападки, вполне вероятно, были обусловлены сугубо личной неприязнью: в 1156 г. Михаил Солунский сосредоточил в своих руках сразу две должности: учителя Евангелия (Георгий Торник к этому моменту был избран и рукоположен на престижную митрополичью кафедру Эфеса) и магистра риторов, что не могло не вызывать зависти у его противников⁴⁰. В свою очередь, Никифор занимал вторую по значению кафедру, дидаскала апостольских Деяний и посланий.

18 В ответ на нападки Василия Михаил и Никифор придрались к истолкованию Василием слов молитвы Великого входа, Οὐδεὶς ἴσιος· (*Никтоже достоин...*), о том, Кому приносится евхаристическая Жертва⁴¹. Им оказали мощную поддержку нареченный патриарх Антиохийский Сотирих Пантевген и митрополит Диррахийский Евстафий. Однако исход патриаршего собора по этой проблеме, состоявшегося 26 января 1156 г.⁴², решило яркое выступление в самом его начале сторонников диакона Василия — митрополитов России Константина и Эфеса Георгия Торника. Впрочем, богословская проблема решена до конца не была, что и повлекло за собой скорый созыв следующего собора, состоявшегося 12 мая 1157 г.⁴³. И если решения собора 1156 г., под председательством патриарха Константина Хлиарина, были мягкими (никто из оппонентов Василия не был осужден), то собор 1157 г., проходивший под председательством уже самого императора Мануила, закончился осуждением Сотириха Пантевгена и Никифора Васибеки, хотя последний и признал в итоге свою неправоту. Более того, в формулу анафематствования в неделю Торжества Православия были включены не только их имена, но и имена Михаила Солунского и митрополита Диррахийского Евстафия, которые еще на соборе 1156 г. удовлетворились доводами противоположной стороны и согласились с решениями собора⁴⁴!

19 Итогом событий 1156—1157 гг. можно считать полный разгром той партии, позицию которой мы выше описали как сохранение *status quo*, партией, которая выступала за пересмотр ряда церковных практик и была готова к жесткому устранению несогласных, что мы видели как в деяниях Михаила Куркуаса, так и на соборе 1157 г. (не говоря о провокации против Космы Аттика). Представление о круге церковных практик, которые беспокоили эту вторую партию, вполне дает список сочинений Иоанна Оксита: антилатинские произведения; трактаты против харизматикариата и о постах; флорилегии на тему Евхаристии, молитвенной практики, смерти. В своем анализе событий 1156—1157 гг. М. Анголд описывает позицию Георгия Торника как «традиционный подход», а Никифора Васибеки и Сотириха Пантевгена — как «применение [к спору] философских методов»⁴⁵. Мы с этой оценкой согласиться не можем: в конце концов, на стороне Георгия Торника было свидетельство анонимной молитвы (причем неконстантинопольского происхождения⁴⁶), а на стороне Сотириха — слова 45-го Слова свт. Григория Богослова, которое звучало в византийских храмах каждую Пасху: «Кому и для чего пролита эта излишняя за нас кровь — великая и преславная кровь Бога и Архиерея и Жертвы? ... По какой причине кровь Единородного приятна Отцу...? ... приемлет Отец». В действительности, партия, выразителем мнения которой был Георгий Торник, исповедовала не «традиционный», а ревизионистский подход к церковным вопросам: наличная традиция объявлялась испорченной и провозглашалась необходимость вернуться к более чистым древним образцам. Особенно ярко это видно из споров о посте: сначала Иоанн Оксит, затем авторы ряда Типиконов реформированных монастырей XII в., хартофилак Иоанн Пантехн⁴⁷ и, наконец, византийские иерархи, спровоцировавшие на Руси скандал вокруг этой темы, — все они, ссылаясь, прежде всего, на апостольское правило 69, настаивали на прекращении старой «студийской» практики отменять пост среды и пятницы в праздники (за теми или иными исключениями либо вовсе без них). Почти все сторонники этой позиции также требовали соблюдать Рождественский пост на протяжении целых 40 дней и обязательно держать как Апостольский, так и Успенский

посты⁴⁸. Далее, в ту эпоху активно эволюционировали повседневные молитвенные правила монахов; в частности, получила распространение практика регулярного — например, еженедельного — чтения канона «на исход души» в аскетических целях⁴⁹, что очевидно отражало интерес к теме смерти. Наконец, интерес к вопросам евхаристического богословия был вызван, на наш взгляд, реакцией на активную разработку темы Евхаристии в латинской схоластике в XI—XII вв.; причем сторонники «ревизионистской» партии занимали антилатинскую позицию — и можно осторожно предположить, что само желание «вернуть» существующую византийскую церковную традицию к «правильному» состоянию был обусловлен необходимостью переосмыслить ее как апостольскую и, следовательно, подлинную, перед лицом «новоизобретенной» латинской традиции.

20 Между августом и октябрём 1157 г. на патриарший престол взошел Лука Хрисоверг, из монахов, первым известным актом которого стало утверждение анафемы Сотириху Пантегену⁵⁰. Луке, наконец, удалось навести порядок в патриаршей администрации, чему, вероятно, поспособствовало снижение накала партийной борьбы после триумфа одной из партий ранее в том же году. Неслучайно уже 8 декабря 1157 г. Лука издал указ, запрещающий клирикам занимать гражданские должности (одной из жертв этого решения стал знаменитый канонист Алексей Аристин). В целом, действия патриарха позволили ему благополучно удерживать кафедру вплоть до самой смерти (в самом конце 1169 г.).

21 В правление Луки случился еще один богословский спор, рассмотренный на соборе 2 марта 1166 г., снова под председательством императора⁵¹. Этот собор, во-первых, подтвердил решения собора 1157 г. Но главной его задачей была интерпретация стиха Ин 14. 28: «Отец Мой более Меня есть»⁵². Это место обсуждалось еще в 1114 г. в дискуссии Евстратия Никейского с Петром Гроссоланом, но споры 1160-х гг. начались с выступления Димитрия из Лампы, который, впрочем, прямо не упоминается в актах собора. Немалую роль в этих спорах сыграл и латинский трактат “*Libellus de Filii hominis minoritate ad Patrem Deum*” Гуго Этериана, глубоко укорененный как в западноевропейском богословском дискурсе XII в., так и в большой европейской политике этого времени. Димитрия поддерживали многие из придворных и епископов, а также шесть диаконов Св. Софии, заключивших тайное соглашение, которое должно было закончиться чуть ли не анафематствованием императора. Противоположную точку зрения защищал, в первую очередь, сам Мануил, который, в союзе с колеблющимся патриархом, заставил собор признать свою правоту. Решения собора были высечены на мраморных плитах и выставлены в Св. Софии, а несогласные с ними — подвергнуты строгим наказаниям: епископов лишили кафедр, чиновников — их постов, простых же людей отправили в ссылку. Однако сопротивление было настолько велико, что разгневанные клирики Св. Софии выдвинули обвинения против патриарха и потребовали его низложения, от которой того спасло только вмешательство Мануила. Самому же императору, чтобы разрядить обстановку, пришлось пойти на уступки своим оппонентам, среди которых были многие митрополиты и клирики Св. Софии, в том числе упоминавшийся выше Иоанн Пантехн. Таким образом, партия, одержавшая верх в 1157 г., в 1166 г. оказалась в оппозиции императору. Это неудивительно: антилатинская повестка дня, которую диктовала данная партия (а Иоанн Пантехн, как мы видели выше, однозначно входил в нее: еще в 1146 г. он спорил о постах с Космой Аттиком), не могла не вступить в противоречие с унионистскими планами Мануила.

22 Первоначально проявив гибкость, в последующие годы император постепенно расправился с наиболее упорными оппонентами, отстранив их либо вынудив признать защищаемый им догмат. В конце 1169 г., когда патриарх Лука Хрисоверг умер, митрополит Константин Керкирский попытался развернуть ситуацию, обвинив почившего патриарха в ереси. Император быстро разобрался со смутьяном, возглавив вместе с новым патриархом,

Михаилом III Анхиальским, собор 30 января 1170 г., на котором Константин Керкирский был осужден и низложен⁵³. Впрочем, оппозиция императорскому догмату продолжалась, что показало осуждение Иоанна Ириника и его последователей в 1170 г.⁵⁴.

23 Избрание в 1169 г. новым патриархом Михаила Анхиальского, до того — диакона Св. Софии и ипата философов, положило конец большим богословским спорам 1150-х — 1160-х гг. и обратило византийскую Церковь больше к полемике с латинянами и армянами. 24 марта 1171 г. император заставил патриарха, митрополитов и епископов присягнуть на верность своему сыну Алексею II⁵⁵. В том же году по инициативе императора началось обсуждение вопроса о возможности признания папского примата; одним из советчиков Мануила в этом деле был вышеупомянутый пизанский богослов Гуго Этериан. Это вызвало возмущение, и дело дошло до латинских погромов в столице противниками унии, которых возглавлял Андроник Комнин. В конце концов, недовольный своеволием Церкви, в июне 1176 г. Мануил отменил большинство монастырских привилегий из своего хрисовула 1158 г.⁵⁶. Параллельно этому Мануил начал деятельность по упорядочению церковного права, венцом которой стал канонический труд Феодора Вальсамона.

24 Итак, мы видим, что до вмешательства Мануила Комнина в ход церковных дел ситуацию в Константинопольской патриархии 1140-х — 1150-х гг. определяла борьба партий, состоявших преимущественно из клириков Св. Софии и могущественных настолько, чтобы ставить и низлагать патриархов. На первом этапе, до 1147 г., мы можем выделить партию во главе с патриархом Михаилом Куркуасом и протасикритом Львом Иканатом, которая, несмотря на уход Михаила, смогла низложить неугодного ей патриарха Косму Аттика. К этой партии принадлежал также хартофилак Великой церкви Иоанн Пантехн, противостоявший Косме в постовом споре, и те клирики Св. Софии, которые под покровительством «Вагоя»-Василия очерняли Косму после его низложения. Против последней группы выступал другой диакон Св. Софии, Никифор Василяки, который принадлежал к партии сторонников Космы и вместе с другими клириками Великой Церкви выступал затем против низложения следующего патриарха — Николая Музалона.

25 Единомышленником и, следовательно, представителем второй партии был диакон Михаил Солунский, к 1156 г. занимавший сразу две важные должности — дидаскала Евангелия и магистра риторов. К тому времени одним из наиболее ярких представителей первой партии стал Георгий Торник, незадолго до того ставший митрополитом Эфеса, главным врагом которого оказался диакон (и одновременно нареченный патриарх Антиохийский) Сотирх Пантевген, обвинивший покровительствовавшего Георгию патриарха Феодота в богомилстве.

26 Среди единомышленником Георгия, помимо других влиятельных лиц, был и митрополит «Росии» Константин I. В своем письме Георгий описывает последствия выступления Сотирха против него: «Итак, случилось это в удовольствие некоторым, которые имели нечто против нас, так как стало известно, что [митрополит] Росии дал относительно нас некое положительное свидетельство»⁵⁷. Вопреки Ж. Даррузесу⁵⁸ и С. Франклину⁵⁹, слова «положительное свидетельство» имеют не иронический смысл (то есть не говорят о выступлении Константина против Георгия и, следовательно, в пользу Сотирха, что полностью противоречило бы реальному раскладу сил, засвидетельствованному на соборе 1156 г.), а прямой. Иными словами, Георгий пишет, что сначала 1) Константин высказался в его пользу, но затем 2) Сотирх своим вмешательством нейтрализовал положительный эффект от свидетельства Константина⁶⁰.

27 В итоге две партии столкнулись на соборах 1156 и 1157 гг., что закончилось триумфом партии Василия, Георгия Торника и Константина I Киевского над партией

Никифора Василяки, Сотириха Пантевгена и Михаила Солунского. Лишь во второй половине 1160-х гг. бывшие победители начали терять свои позиции, поскольку их повестка дня вступила в конфликт с внешнеполитической программой империи.

Возвращаясь к вопросу о влиянии константинопольских церковных споров на кризис в Русской митрополии 1156—1169 гг., следует определить, какова была в них роль митрополита Константина I Киевского, который, вместе со своим окружением, и стал катализатором этого кризиса. Как мы видели, в начале 1150-х гг. будущий митрополит Киевский был сторонником той партии в константинопольском клире, которая выступала за неукоснительное соблюдение поста среды и пятницы, — возможно, он тоже был изначально диаконом Св. Софии (особенно учитывая полное отсутствие монахов в богословских дебатах 1140—1150-х гг.). Его роль в спорах 1150-х гг. описывается в двух византийских источниках: переписке митрополита Эфесского Георгия Торника и актах Константинопольского собора 26 января 1156 г. Достаточно неожиданным образом, эта роль оказалась ключевой: акты собора открываются заявлением патриарха Константина IV Хлиарина о желании сразу огласить исповедание «митрополита Росии», который должен уезжать в свой удел и потому представил свое мнение заранее⁶¹. Вообще говоря, вызывает недоумение, почему на *однодневном* соборе следовало зачитывать мнение Константина (которое ляжет затем в основу соборного решения) впереди прочих?⁶² После этого первым из епископов высказался союзник Константина (см. выше) Георгий Торник, митрополит Эфесский, который «готов был положить жизнь» за исповедание Константина⁶³, как видно и из его писем⁶⁴. «Упреждающее» выступление сторонников Василия Константина и Георгия на соборе 1156 г. было вызвано, вероятно, опасением за неясность исхода прений; так или иначе, в результате удачной интриги нужное им решение было принято быстро. Собор 1157 г., как уже было отмечено, полностью подтвердил составленную Константином формулу, и низложил всех, кто ей противился даже в прошлом.

29 Итак, на момент прибытия Константина I в Киев партия ревизионистов-ригористов торжествовала победу. Как уже было отмечено, вопрос поста среды и пятницы имел для этой партии важное символическое значение, маркируя сторонников старой «студийской» практики как приверженцев побежденной партии и, следовательно, врагов. Поэтому неудивительно, что Константин и его ставленники, соратники и преемники (Леон Ростовский, Антоний Черниговский, Константин II Киевский) стали активно внедрять на Руси новые постовые нормы как единственно верные⁶⁵. Приверженность «ревизионистским» аскетическим нормам Константин I проявил и в своем предсмертном завещании 1159 г., распорядившись, чтобы его тело было отдано на растерзание псам, чем буквально исполнил сказанное в каноне «на исход души». Очевидно, что именно ригоризм Константина, восходивший к установкам его константинопольской партии и приведший его и его сторонников к конфликтам с русскими князьями и клириками, и стал основной причиной начала второго церковного кризиса на Руси в 1156 г.

30 Наконец, появление в 1167 г. на Руси последней фигуры этого кризиса — митрополита Константина II Киевского — также едва ли было случайно. Партийная принадлежность Константина II очевидна: действуя в союзе со сподвижниками Константина I (епископами Антонием Черниговским и Леоном Ростовским), он устроил настоящее гонение против сторонников старой практики пощения, а его расправа над Феодорцом⁶⁶, с нанесением тому тяжких телесных увечий, приведших к смерти осужденного, была беспрецедентна для русской церковной традиции и находила ближайший аналог в действиях их «однопартийца» — патриарха Михаила Куркуаса. Можно предположить, что отправка Константина II на Русь представляла собой почетную ссылку, поскольку после 1166 г. присутствие выдающихся

ревизионистов-ригористов в Константинополе стало нежелательным из-за их критики как внешнеполитического, так и богословского курса Мануила. Но и действия Константина II на Руси уже настолько не вписывались в меняющуюся на глазах парадигму, что после 1169 г. подобных эксцессов на Руси более не наблюдалось, а патриарх Лука Хрисоверг занял в отношении Руси компромиссную позицию (в том числе в вопросе о постах), выразителем которой, вероятно, должен был стать назначенный не позднее марта 1171 г.⁶⁷ новый русский митрополит, Михаил⁶⁸.

Примечания:

1. Виноградов А. Ю., Желтов М. свящ «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х гг. об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 3 (73). М., 2018. С. 118—139; Они же. Правовые акты Русской митрополии при Константине I (1156—1159 гг.) // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко. М., 2018. С. 35—56.

2. Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos, 1143—1180. Cambridge, 1993. P. 267—309; Angold M Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081—1261. Cambridge, 1995. P. 73—115.

3. Там же см. ссылки на источники об отдельных событиях.

4. Сказанное не означает, что исследователи не отдавали себе отчета в том, что события были внутренне взаимосвязаны — так, П. Магдалино пишет: “However, the controversy of 1155—1157 may have had wider ramifications, and roots in earlier episodes” (Magdalino P. The Empire... P. 282); речь лишь о том, что раскрытие таких связей не требовалось для решения задач, к которым обращались данные ученые.

5. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches: von 565—1453. Teil 2: Regesten von 1025—1204 / 2. Auflage bearb. von P. Wirth. München, 1995. S. 200 (№ 1330). В данном случае Мануил фактически покупал благосклонность ключевых представителей константинопольского духовенства, чтобы гарантировать свою коронацию в условиях наличия другого кандидата на престол — Исаака, старшего брата Мануила. Впрочем, симпатии духовенства уже склонялись в пользу Мануила, так что в итоге клир даже продешевил, как рассказывает Никита Хониат: «Великий домоestik, заботясь об охране дворца и стараясь, чтобы граждане провозгласили Мануила царем, выдает духовенству великого храма грамоту, писанную красными чернилами и скрепленную золотом печатью и шелковым красным шнурком, в которой назначалось ему ежегодно по 200 мин серебряных монет. Говорили, впрочем, что Аксук привез с собою и другую подобную же царскую грамоту, в которой назначалось столько же золотых монет. Император не без основания опасался, чтобы или сам Исаак, имевший больше права на престол по рождению, услышав о смерти отца и о провозглашении младшего брата, не возмутил города, или происки каких-нибудь беспокойных и склонных к возмущениям людей, обыкновенно сопровождающие восшествие на престол и перемену императоров, не сделали чего-либо неблагоприятного новому царю и опасного для его царствования. Поэтому, при таком сомнительном положении дел, он и вручил Иоанну две милостивые грамоты. Но дела посольства пошли так благоприятно, что ни пославшему, ни посланному нельзя было ничего лучшего ни представить, ни желать, и потому Иоанн, удержав грамоту, назначавшую золото, выдал только грамоту, назначавшую серебро» (Греч. текст: PG. 139. Col. 380; рус. пер.: Никиты Хониата история... Т. 1 / пер. под ред. проф. В. И. Долоцкого (Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской Духовной академии; б. н.). СПб., 1860. С. 63—64).

6. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden. T. 2. S. 202 (№ 1334).

7. Ibid. S. 205 (№ 1347 [1418]).

8. Ibid. S. 215 (№ 1372).

9. Ibid. S. 220—221 (№ 1390).

10. Ibid. S. 229—230 (№ 1419).

11. Греч. текст: PG. 139. Col. 413; рус. пер.: Никиты Хониата история. Т. 1. С. 101.

12. Grumel V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. II et III: Les registres de 715 à 1206 / 2ème éd. par J. Darrouzès. P., 1989. P. 472 (№ 1011). Текст решения: Gouillard J. Quatre procès de mystiques à Byzance (vers 960—1143): Inspiration et autorité // Revue des études byzantines. Т. 36. P., 1978. P. 5—81, здесь P. 68—71.

13. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden. T. 2. S. 201—202 (№ 1332e [1516]).

14. Алексиада XV. 8—10 (PG. 131. Col. 1168—1185). Анна утверждала, что синод Константинопольской Церкви во главе с патриархом Николаем III Грамматиком приговорил Василия к публичному сожжению, однако Иоанн Ксифилин (или Иоанн Агапит?) уточнял эти сведения, сообщая, что санкцию на сожжение еретика дал все-таки не патриарх, а лично император (PG. 120. Col. 1289). В этой связи примечательно, что в 1144 г. именно патриарх

Михаил Куркуас угрожал богомилу Цуриху сожжением и даже вроде бы провел через синод решение о необходимости сожжения богомилов вообще (Grumel V. *Les registes*. Vol. I: *Les actes des patriarches*. Fasc. II et III. P. 478 (№ 1020, 1020a); Иоанн Цец писал, что во времена Михаила Куркуаса сожжения богомилов были многочисленны: Ioannis Tzetzae *Epistulae / Recensuit P. A. M. Leone*. Leipzig, 1972. P. 75—77), что Феодор Вальсамон позднее оценивал как незаконное присвоение патриархом не принадлежащих ему прав (PG. 104. Col. 1111).

15. Grumel V. *Les registes*. Vol. I: *Les actes des patriarches*. Fasc. II et III. P. 472—473 (№ 1012); Gouillard J. *Quatre procès*. P. 70—77.

16. Grumel V. *Les registes*. Vol. I: *Les actes des patriarches*. Fasc. II et III. P. 474—475 (№ 1014); Gouillard J. *Quatre procès*. P. 78—81.

17. О слабости Михаила Куркуаса к демонстративным жестам, помимо его решения предавать богомилов сожжению (см. выше примеч. 14), ярко свидетельствует его поступок во время празднования новолетия 1 сентября 1143 г., когда он сначала сделал вид, что хочет оставить патриаршество, но затем заявил, что получил знак от Богородицы и поэтому остается (этот эпизод описан Михаилом Италиком: Michel Italikos: *Lettres et discours / éd. P. Gautier*. P., 1972 (*Archives de l'Orient Chrétien*, 14). P. 78—79).

18. Grumel V. *Les registes*. Vol. I: *Les actes des patriarches*. Fasc. II et III. P. 473—474 (№ 1013); текст решения: Ῥάλλης Γ., Ποτλής Μ. *Σύνταγμα τῶν Θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων...* Т. 5. ἹΘῖναι, 1855. Σ. 88—90. Вряд ли можно сомневаться в том, что под «всею Церковью» и «всеми», оскорбленными Нифонтом, следует понимать конкретно Михаила Куркуаса и его ближайших сторонников.

19. Grumel V. *Les registes*. Vol. I: *Les actes des patriarches*. Fasc. II et III. P. 475—476 (№ 1015); текст решения: Ῥάλλης Γ., Ποτλής Μ. *Σύνταγμα*. Т. 5. Σ. 90—91.

20. Так, явно слишком строгой была оценка Михаилом Куркуасом нарушений, допущенных бывшим епископом Леонтием Бальбисским, из которых в обвинительный приговор вошли лишь два: совершение повторного крещения над кем-то, кого ранее крестил неканонический священник (что вполне позволяло трактовать этот случай не как запрещенное «перекрещивание», а как первое и единственное полноценное крещение взамен имевшей ранее место имитации), и отказ в отпевании нераскаянного грешника. См. также примеч. 14.

21. При этом практики, отстаиваемые этой партией в качестве нормативных, на поверку вполне могли представлять собой совсем недавние инновации: Михаил Куркуас усмотрел злоупотребление в рукоположении Климентом диаконисс, но еще в XI в. подобное было нормой в самом Константинополе! Здесь для понимания дальнейших процессов важно упомянуть возможное участие Михаила Куркуаса в споре о постах и необходимости восстановления «апостольской» практики пощения. Именем «святейшего и вселенского патриарха кир Михаила» написано сочинение, посвященное, во-первых, богословскому толкованию литургии Преждеосвященных Даров; во-вторых, обоснованию необходимости соблюдать не только Великий, но и Петров, Успенский и Рождественский посты. М. Гедеон, издавший полный текст этого сочинения по рукописи XIX в. (следует отметить, что по сравнению с более ранними списками текст здесь несколько поврежден), отождествил автора с Михаилом Куркуасом (Γεδέων Μ. *Ῥαχέων Ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας. Κωνσταντινούπολις*. Т. 1. Τευχ. 1. 1911. Σ. 31—35). Впрочем, это отождествление не обязательно является верным, и автором мог быть один из двух последующих Константинопольских патриархов с именем Михаил (Grumel V. *Les registes*. Vol. I: *Les actes des patriarches*. Fasc. II et III. P. 478—479 (№ 1021)).

22. Grumel V. *Les registes*. Vol. I: *Les actes des patriarches*. Fasc. II et III. P. 476—478 (№ 1016—1019).

23. Browning R. *The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century // Byzantion*. Vol. 32. Bruxelles, 1962. P. 167—202.

24. Греч. текст: PG. 133. Col. 385—386; рус. пер.: Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118—1180): труд Иоанна Киннама / пер. под ред. проф. В. Н. Карпова (Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской Духовной академии; б. н.). СПб., 1859. С. 70.

25. Греч. текст: PG. 139. Col. 416; рус. пер.: Никиты Хониата история. Т. 1. С. 102.

26. Grumel V. *Les registes*. Vol. I: *Les actes des patriarches*. Fasc. II et III. P. 482 (№ 1024).

27. Оригинальный текст трактата о постах доньше не издан, хотя еще Ж.-Б. Питра издал свой латинский перевод трактата, включив в него лишь фрагменты греческого текста (Pitra J.-B. *Spicilegium Solesmense*. P., 1858. Vol. 4. P. 481—487); об Иоанне Оксите см., прежде всего: Grumel V. *Les patriarches grecs d'Antioche du nom de Jean (XIe et XIIe siècles) // Échos d'Orient*. Vol. 32. P., 1933. P. 279—289, здесь P. 286—298.

28. Wirth P. *Eustathiana: gesammelte Aufsätze zu Leben und Werk des Metropoliten Eustathios von Thessalonike*. Amsterdam, 1980. S. 94—99.

29. Darrouzès J. *Une lettre du patriarche Cosmas (1147) // Gonimos: Neoplatonic and Byzantine Studies Presented to Leendert G. Westerink at 75 / ed. J. Duffy, J. Peradotto*. N. Y., 1988. P. 217—222.

30. Nicephori Basilacae *Orationes et epistulae / Recensevit A. Garzya*. Leipzig, 1984. P. 92—93.

31. П. Магдалино видел за ним Сотириха Пантевгена, по двум основным причинам: 1) в истории с патриархом Феодотом (см. ниже) Сотирих выдвинул против Феодота обвинения в богомилстве, что напоминает обвинения, выдвинутые против Космы его противниками; 2) епископ Мефонский Николай, который впоследствии будет противником Сотириха на соборе 1157 г., в 1150 г. проявил единодушие с Никифором Васиlaki, оказывая поддержку патриарху Николаю Музалону (Magdalino P. *The Empire*. P. 283—284; Idem. *The Bagoas of Nikephoros Basilakes: a normal reaction? // Of Strangers and Foreigners (Late Antiquity — Middle Ages)* / ed. L. Mayali, M. Mart. Berkley, 1993. P. 47—63). Однако Сотирих совсем не подходит на роль Вагоя уже просто потому, что поэма Никифора Васиlaki была написана после собора 1157 г., когда Сотирих и Никифор были подвергнуты совместному осуждению, и задачей Никифора, как справедливо заметил М. Анголд, была месть — хотя бы и литературная — тому своему оппоненту, кто приложил руку к низложению Никифора (Angold M. *Church and Society*. P. 80. Note 38), а следовательно — и Сотириха. Таким персонажем, вероятнее всего, мог быть диакон Василий, постоянный оппонент Никифора и герой конфликта 1156 г., о котором см. ниже. Из невозможности отождествления Вагоя с Сотирихом вытекает, что обвинение патриарха Феодота в богомилстве, выдвинутое Сотирихом, следует понимать отнюдь не как солидарность Сотириха с аналогичными обвинениями против Космы, а как попытку перехватить инициативу у противоположной партии, формируя собственную «антибогомильскую» повестку. Позицию же епископа Николая Мефонского, который в 1157 г. принял участие в осуждении Никифора Васиlaki, хотя в 1150 г. был заодно с ним в вопросе поддержки патриарха Николая Музалона, следует объяснять либо изменением его взглядов, либо, что вероятнее, равноудаленностью от двух конфликтующих партий: епископ Николай был, по большому счету, человеком императора.
32. Ioannis Tzetzae *Epistulae / Recensuit P. A. M. Leone*. Leipzig, 1972. P. 65.
33. Grumel V. *Les registes*. Vol. I: *Les actes des patriarches*. Fasc. II et III. P. 488 (№ 1033).
34. Michel Italikos. *Lettres et discours*. P. 66—80.
35. Вопросы вызывает лишь поддержка Николая Музалона со стороны Николая Мефонского; см. примеч. 31.
36. Grumel V. *Les registes*. Vol. I: *Les actes des patriarches*. Fasc. II et III. P. 492 (№ 1035a; немногим позже Георгию поручается должность патриаршего ипомниматографа, с правом одновременно занимать кафедру вселенского учителя, покуда та вакантна: № 1035b). Ранее, при Косме Аттике, Георгий Торник получил кафедру дидакала Псалтири (Ibid. P. 483. № 1026), а поскольку партийная принадлежность Георгия очевидна (см. ниже), это назначение являлось еще одним свидетельством неискренности Космы Аттика в околоставных интригах.
37. Franklin S. *Annotationes Byzantino-Rossicae // GENNADIOS*. К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 223—230.
38. Нашу оценку этого обвинения см. в примеч. 31.
39. Описано в краткой истории Константинопольских патриархов из рукописи Paris. Gr. 880. XIII в. Fol. 405.
40. Виноградов А. Ю., Захарова А. В. Описание Святой Софии Константинопольской Михаила Солунского: перевод и комментарии // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Вып. 6. СПб., 2016. С. 791—799.
41. Различные оценки позиций сторон с богословской точки зрения и обзор публикаций, посвященных соборам 1156 г. и 1157 г., см. в работе: Ермилов П. В., [диак.] *История константинопольских соборов 1156—1157 годов: проблемы исторической реконструкции и критики источников: диссертация ... кандидата исторических наук*. М., 2012.
42. Grumel V. *Les registes*. Vol. I: *Les actes des patriarches*. Fasc. II et III. P. 495—496 (№ 1038).
43. Ibid. P. 498—499 (№ 1041); окончательное утверждение решений собора было принято отдельным актом, 13 мая 1157 г.: Ibid. 500 (№ 1043).
44. Gouillard J. *Le Synodikon de L'orthodoxie: Édition et Commentaire*. P., 1967 (= *Travaux et Mémoires*; 2). P. 72—75, 210—215.
45. Angold M. *Church and Society*. P. 97—98.
46. О чем византийцы XII в., впрочем, вряд ли догадывались. См.: Taft R. F., Parenti S. *Il grande ingresso (Storia della liturgia di S. Giovanni Crisostomo; II) / edizione italiana rivista, aggiornata e ampliata*. Grottaferrata, 2014 (АНАΛΕΚΤΑ ΚΡΥΠΤΟΦΕΡΡΗΣ; 10). P. 257—302.
47. Его родственник — номофилак Феодор Пантехн, — поддерживал Георгия Торника, дав ему совет отказаться от Коринфской кафедры (что помогло Георгию затем получить более престижную Эфесскую), и в контексте событий вокруг собора 1156 г. занял его сторону.
48. Причем установление всех этих постов также возводилось именно к апостолам: см. трактат о Преждеосвященной литургии и о постах, авторства патриарха Михаила (примеч. 21).
49. Виноградов А. Ю., Желтов М. С. «Завещание» митрополита Константина I Киевского и канон «на исход души» // *Словѣне — Slovène: International Journal of Slavic Studies*. М., 2014. № 3:1. С. 43—71.

50. Grumel V. Les registres. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. II et III. P. 504 (№ 1045).
51. Ibid. P. 512—513 (№ 1058a).
52. Наиболее подробное исследование о соборе: Σάκκος Σ. Ἡ Πατὴρ μου μείζων μου ἴστιν. Τ. 1—2 (Σπουδαστῆριον Ἐκκλησιαστικῆς Γραμματολογίας, 7—8). Θεσσαλονίκη, 1968.
53. Grumel V. Les registres. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. II et III. P. 540 (№ 1109).
54. Вероятно, в связи с необходимостью продвигать решения спорного собора 1166 г. в Византии создается также иконография «Троицы Новозаветной», где рядом с Отцом сидит Сын, со Святым Духом-голубем в руке (самый ранний пример — храм Ай Стратигос близ Кастаньи на Эксо Мани 1194 г.).
55. Grumel V. Les registres. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. II et III. P. 547—548 (№ 1120).
56. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden. Т. 2. S. 268—269 (№ 1523).
57. Darrouzès J. Georges et Dèmètrios Tornikes, Lettres et discours. P., 1970. P. 215.
58. Ibid. P. 214.
59. Franklin S. Annotationes. P. 223—226.
60. Из этого письма, между прочим, следует, что Константин имел титул «митрополита Росии» уже не позже апреля 1155 г. (а то и апреля 1154 г.), то есть получил его еще до взятия Киева Юрием Долгоруким весной 1155 г. По всей видимости, он был рукоположен или, по крайней мере, избран на Киевскую кафедру («нареченные» патриархи и митрополиты были часты среди клириков Св. Софии: см. пример того же Сотирixa Пантевгена) после умершего или ушедшего на покой не позднее 1155 г. митрополита Михаила, который уехал из Киева еще в 1145 г. Очевидно, Константинополь, не признававший Климa Смoлятича русским первоиерархом, считал необходимым иметь Киевского митрополита «в изгнании»: поводом к назначению Константина могла быть, например, смерть патрона Климa Изяслава Мстиславича в ноябре 1154 г., породившая надежду на изгнание того из Киева.
61. PG. 140. Col. 149.
62. Крайне сжатые сроки проведения собора ставят под сомнение искренность аргументации патриарха: даже если Константин I и торопился отбыть на Русь, речь могла идти о часах, а не о днях задержки, тем более, что зимой на Русь обычно не путешествовали.
63. Ibid. Col. 152.
64. Darrouzès J. Georges et Dèmètrios. P. 176.
65. Напомним, что эти же нормы были известны еп. Нифонту Новгородскому еще до 1156 г., однако он, хоть и одобрял их, но отнюдь не настаивал на их обязательном применении (РИБ. VI. Кол. 50).
66. Что будет предметом одной из наших следующих публикаций.
67. Имя Μιχαῖλ ῥωσίας упоминается в списке архиереев, присягнувших Алексею II Комнину: см. выше.
68. Символично, что первый кризис начался с отъезда из Киева митрополита с тем же именем.

Библиография:

1. Виноградов А. Ю., Желтов М. С. «Завещание» митрополита Константина I Киевского и канон «на исход души» // Словѣне — Slověne: International Journal of Slavic Studies. № 3:1. М., 2014. С. 43—71.
2. Виноградов А. Ю., Желтов М. С., свящ. «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х гг. об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 3 (73). М., 2018. С. 118—139.
3. Виноградов А. Ю., Желтов М., С., свящ. Правовые акты Русской митрополии при Константине I (1156—1159 гг.) // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко. М., 2018. С. 35—56.
4. Виноградов А. Ю., Захарова А. В. Описание Святой Софии Константинопольской Михаила

Солунского: перевод и комментарии // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 6. СПб., 2016. С. 791—799.

5. Ермилов П. В., [диако.] История константинопольских соборов 1156—1157 годов: проблемы исторической реконструкции и критики источников: диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2012.

6. Γεδεών Μ. Ἀρχεῖον ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας. Κωνσταντινούπολις· Ἐκ τοῦ Πατριαρχικοῦ τυπογραφείου. Τ. 1. Τευχ. 1. 1911.

7. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118—1180): труд Иоанна Киннама / пер. под ред. проф. В. Н. Карпова (Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской Духовной академии; б. н.). СПб., 1859.

8. Никиты Хониата история. Т. 1 / пер. под ред. проф. В. И. Долоцкого (Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской Духовной академии; б. н.). СПб., 1860.

9. Ῥάλλης Γ., Ποτλής Μ. Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Τ. 5. Ἀθήναι, 1855.

10. Σάκκος Σ. Ὁ Πατήρ μου μείζων μου ἐστίν. Τ. 1—2. Θεσσαλονίκη, 1968.

11. Angold M. Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081—1261. Cambridge, 1995.

12. Browning R. The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century // Byzantium. Vol. 32. Bruxelles, 1962. P. 167—202.

13. Darrouzès J. Georges et Dèmètrios Tornikes, Lettres et discours. P., 1970.

14. Darrouzès J. Une lettre du patriarche Cosmas (1147) // Gonimos: Neoplatonic and Byzantine Studies Presented to Leendert G. Westerink at 75 / ed. J. Duffy, J. Peradotto. N. Y., 1988. P. 217—222.

15. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches: von 565—1453. Teil 2: Regesten von 1025—1204. 2. Auflage bearb. von P. Wirth. München, 1995.

16. Franklin S. Annotationes Byzantino-Rossicae // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 223—230.

17. Gouillard J. Le Synodikon de L'orthodoxie: Édition et Commentaire (Travaux et Mémoires, 2). P., 1967.

18. Gouillard J. Quatre procès de mystiques à Byzance (vers 960—1143): Inspiration et autorité // Revue des études byzantines. Т. 36. P., 1978. P. 5—81.

19. Grumel V. Les patriarches grecs d'Antioche du nom de Jean (XIe et XIIe siècles) // Échos d'Orient. Vol. 32. P., 1933. P. 279—289.

20. Grumel V. Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. II et III: Les registes de 715 à 1206 / 2ème éd. par J. Darrouzès. P., 1989.

21. Ioannis Tzetzae Epistulae / recensuit P. A. M. Leone (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana). Leipzig, 1972.

22. Magdalino P. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143—1180*. Cambridge, 1993.
23. Magdalino P. *The Bagoas of Nikephoros Basilakes: a Normal Reaction? // Of Strangers and Foreigners (Late Antiquity — Middle Ages) / ed. L. Mayali, M. Mart. Berkley, 1993. P. 47—63.*
24. Michel Italikos: *Lettres et discours / ed. P. Gautier. (Archives de l'Orient Chrétien, 14). P., 1972.*
25. *Nicephori Basilacae Orationes et epistulae / Recensevit A. Garzya (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana). Leipzig, 1984.*
26. *Patrologiae cursus completus... Series Graeca / Accurante J.-P. Migne. T. 1—161 [= PG]. P., 1857—1866.*
27. Pitra J.-B. *Spicilegium Solesmense complectens Sanctorum Patrum Scriptorumque Ecclesiasticorum anecdota hactenus opera. Vol. 4. P., 1858.*
28. Taft R. F., Parenti S. *Il grande ingresso (Storia della liturgia di S. Giovanni Crisostomo; II) / Edizione italiana rivista, aggiornata e ampliata (ΑΝΑΛΕΚΤΑ ΚΡΥΠΤΟΦΕΡΡΗΣ, 10). Grottaferrata, 2014.*
29. Wirth P. *Eustathiana: gesammelte Aufsätze zu Leben und Werk des Metropoliten Eustathios von Thessalonike. Amsterdam, 1980.*

The Church Politics of the Patriarchate of Constantinople under Manuel I Komnenos, and the Crisis in the Metropoly of Rus' (1156—1169)

A. Vinogradov

*Higher School of Economics
Russian Federation, Moscow*

M. Zheltov

*Moscow Theological Academy; Sretenskaya Theological Seminary
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article deals with the Byzantine background of the crisis in the Russian Church which unfolded in 1156—1169 and was caused by the introduction of new rules of fasting and asceticism by the Greek bishops under the leadership of metropolitan Constantine I of Rus'. The article begins with a close look at the controversies that shook the patriarchate of Constantinople in the 1040s — 1060s, and were caused by, at first, inaction, and later by decisive actions of emperor Manuel I Komnenos. A close study of these controversies sheds light on the struggle of the two ecclesiastical parties, both composed mostly of former and current deacons of Hagia Sophia. The first of these parties sought to preserve the status quo in the Orthodox Church as it took shape under the first Komnenoi emperors, particularly in relation to the fasting discipline that conformed to the old Studite tradition. This party was represented by Patriarchs Cosmas II Atticus and Nicholas IV Muzalon, metropolitan Eustathius of Dyrrhachium, and by such intellectuals as Michael of Thessalonica, Nicephoros Basilakes, Soterichos Panteugenēs, and possibly by John Tzetzes. The other party sought to revise the rules of fasting and asceticism, seeing it as a return to the ancient “apostolic” norms, while being guided by the reformed monastic tradition (i. e., of the so-called “Evergetine Reform Movement”). Among its supporters, one can count the patriarchs Michael II Kourkouas and Theodotus II, such prominent officials as Leo Hicanatus and John Pantechnes, deacon Basil-“Bagoas”, metropolitan of Ephesus, George Tornikos, and metropolitan of Rus', Constantine I. In their mutual struggle, these parties used all possible means and took turns in deposing the patriarchs who did not share their views, denouncing their opponents as heretics and persecuting them, if such opportunity arose. The second of these parties was especially successful in using these means. At last, at the 1156—1157 Church councils of Constantinople, the second party succeeded in dealing the final blow to their opponents, which allowed Constantine I and his followers to impose without reservation the new rules of asceticism in Rus'. However, after the 1166 council, when Manuel I started to be inclined towards the ecclesiastical union with Rome, those who just a decade earlier celebrated victory became subject of persecution. In particular, this change in policy could have been the reason for sending Constantine II of Kiev to Rus', if one is to understand this appointment as an honorary exile. Since the 1170s the situation in the Oecumenical patriarchate changed yet again, and the influence of the former ecclesiastical party fades into history.

Keywords: Constantinople, Old Rus', Oecumenical Patriarchate, church disputes, Eucharist, fasting, deacons of Hagia Sophia, Church councils of Constantinople, Oecumenical Patriarchs, Metropolitans of Kiev, Manuel Komnenos, Byzantine theology

Publication date: 15.11.2019

Citation link:

Vinogradov A., Zheltov M. The Church Politics of the Patriarchate of Constantinople under Manuel I Komnenos, and the Crisis in the Metropoly of Rus' (1156—1169) // ISTORIYA. 2019. V. 10. Issue 9 (83) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://history.jes.su/s207987840006961-6-1/> (circulation date: 08.12.2019). DOI: 10.18254/S207987840006961-6

Код пользователя: 5515; Дата выгрузки: 08.12.2019; URL - <http://history.jes.su/s207987840006961-6-1/> Все права защищены.